

О. Л. Лейбович, М. Ю. Тимофеев, А. де Лазари, В. Г. Щукин, И. Л. Савкина

ПОТЕРЯННЫЙ МИР [СОЦИАЛИЗМА]

Лейбович Олег Леонидович (Пермь, Россия) — доктор исторических наук, профессор Пермского государственного института искусства и культуры, ведущий научный сотрудник ЦФИ Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Перми; E-mail: oleg.leibov@gmail.com

Тимофеев Михаил Юрьевич (Иваново, Россия) — доктор философских наук, профессор кафедры философии Ивановского государственного университета, заместитель председателя Центра этнических и национальных исследований ИвГУ, главный редактор журнала «Лабиринт»; E-mail: editor@journal-labirint.com

Лазари Анджей де / de Lazari Andrzej (Лодзь, Польша) — доктор наук, профессор Лодзинского университета; E-mail: alazari@uni.lodz.pl

Щукин Василий Георгиевич (Краков, Польша) — доктор филологических наук, профессор Ягеллонского университета; E-mail: wszczukin@yandex.ru

Савкина Ирина Леонардовна (Тампере, Финляндия) — доктор философии, лектор отделения русского языка и культуры университета г. Тампере; E-mail: irina.savkina@uta.fi

О. Л. Лейбович

В Перми иностранных студентов в советское время не было. За границу СССР я не выезжал: претило заполнять анкеты, выслушивать напутствия, ходить на заседания каких-то комиссий. На приставке «Нота», присоединенной к «Рекорду», крутились песенки Высоцкого, в том числе и одна из последних со словами «... и опять пошла морока про коварный зарубеж», даже запись была вполне пристойная. Погружаться в эту мороку не хотелось.

Социалистический лагерь был представлен отделом «Дружба» в книжном магазине, газетным киоском на Перми II (были и другие), а также отделами одежды и обуви в магазине, по столичному именуемому ЦУМ.

Отделом «Дружба» заведовал Константин Васильевич — сухопарый, совсем не любезный старик с нездешней выправкой. Про него судачили, что он знает дюжину языков, включая китайский. Последнее было справедливо. Константин Васильевич был реэмигрантом из Мукдена, куда попал подростком или юношей году в 20-м. Ушел от красных. В литературе он разбирался великолепно. На полках магазина можно было всегда обнаружить книги издательства *Philipp Reclam jun.*, издававшей мировую классику карманного формата, в т.ч. стихи Бориса Пастернака и Марины Цветаевой на двух языках — и все это копеек за 40-50. Были и польские научно-популярные исторические книжки, в том числе и переводные. Мно-

PROJECT «СЭВ» (1949 - 1991):
EXPORT/IMPORT ТОВАРОВ & ИДЕЙ

го там чего было.

В газетном киоске рядом с неизменным *Neues Deutschland* можно было нечаянно обнаружить *Eulenspiegel* с нескромными, хотя и пошловатыми рисунками; большой удачей было разглядеть на прилавке *Szpilky*; в них интересно было все: и мастерски сделанные карикатуры, и анекдоты, и фельетоны. Конечно, далеко не все аллюзии были доступны, какие-то ассоциации не прочитывались, но за глаза хватало того, что понимал. Оказывается, юмор мог быть и остроумным, и глубоким.

В отделах одежды и обуви первенство держала Югославия. Это вовсе не означало, что на стеллажах пылились мужские и женские сапоги из этой страны. Вовсе нет, сапоги «выбрасывались» и немедленно распродавались. Местные модницы щеголяли в югославских и финских сапожках. Когда я учил детишек немецкому языку в поселке Бисер, то приходилось выполнять контрольные работы и для студентов-заочников. В благодарность мне в магазине оставили югославские зимние ботинки за 43 рубля. Носил я их недолго, отпала подошва. Зато югославское демисезонное пальто с подстежкой из искусственного меха выдержало едва ли не дюжину зим. Я в нем и в Норильск в декабре летал. Сноса этому пальто не было.

Все эти газеты, книжки, одежда исполняли роль своеобразных зеркал, в которых отражался, прежде всего, наш советский мир. По сравнению с *Neues Deutschland* газета «Правда» смотрелась настоящей газетой – критичной, проблемной, живой. По степени занудства равной *ND*, по-моему, не было во всем социалистическом мире. Складывался образ регламентированного скучного, идеологически выверенного общества. Но этот образ

М. Ю. Тимофеев

Кто застал «длинные семидесятые годы» в странах соцлагеря, тот вряд ли мог не потреблять товары и интеллектуальные продукты, производимые в странах СЭВ. Далеко не всё было столь же глобальным, как в наше время, после распада

тут же разрушался при пролистывании социологических исследований юношеской сексуальности, изданных в той же ГДР. В них не было ни грана морализаторства, лицемерия и казенной стыдливости. В книге, изданной в 1974 году в Лейпциге под названием «Юный партнер», обсуждались сюжеты добрых сексуальных отношений во всех их формах и видах, публиковались результаты опросов, из которых следовало, что «... почти все молодые люди сегодня терпимо относятся к добрым сексуальным контактам. 97% юношей и 96% девушек студентов считают допустимыми сексуальные контакты двух неженатых партнеров....». [Starke K. Siegel U. Förster P.: Junge Partner. Leipzig: Zentralinstitut für Jugendforschung, 1974. S. 147].

Польская пресса, вроде доступной *Życie Warszawy*, предъявляла иные стили жизни. Самым интересным разделом в ней были полосы объявлений о продажах, обменах, покупках. Иные предметы, другие потребности, чужая среда обитания.

Вещи же говорили сами за себя. Где-то в середине 80-х по Перми разнесся слух, что вот-вот на улице Ленина откроют магазин, где торговать будут только импортом. Верить — не верили, но подходы искали.

Эти мельчайшие фрагменты социалистического мира, доступных пермскому читателю чужих книг и газет, помогали, прежде всего, иначе взглянуть на советскую действительность. Не то чтобы они набрасывали на нее дополнительную тень, скорее преломляли свет каким-то особым образом, может быть, острее почувствовать свою инаковость. Тогда не хотелось думать об одиночестве.

восточного блока. Не было ни социалистической кока-колы, продаваемой в продуктовых магазинах от Магадана до Варны, ни единого коммунистического «Макдональдса» с сетью в каждом крупном городе от Хошимина до Гаваны. Однако

ПРОЕКТ «СЭВ» (1949 - 1991):
EXPORT/IMPORT ТОВАРОВ & ИДЕЙ

экспорт/импорт товаров и идей на ограниченном пространстве братских стран социализма производился весьма активно. Оставшиеся в таком недалёком прошлом вещи, плотно окружавшие нас, всплывают и качаются на волнах нашей памяти. На поверхности оказывается так много всего, что порой становится странно, что это была эпоха тотального дефицита.

Вещи из стран СЭВ входили в жизнь разных поколений. Болгарскими зубными пастами «Поморин» и «Мери» не только чистили зубы, но и мазали лица спящих в пионерских лагерях. Киностудии братских стран приковывали внимание детей фильмами «Лимонадный Джо» и «Три орешка для Золушки». Знакомство с польским сериалом «Четыре танкиста и собака» и мультфильмами про крота, Болека и Лёлека сейчас является знаком принадлежности к тому не совсем уж потерянному поколению. Процесс взросления сопровождался у мальчиков сравнением не только потребительских качеств болгарской гитары «Орфей» и чехословацкой «Кремоны», но и длинной линейки болгарских сигарет («Феникс», «Вега», «Стюардесса», «Интер», «Опал», «Ту-134», «Родопи», «Солнце» и «Шипка») со своими — советскими. Старшие братья и друзья привозили после демобилизации из ГДР переводные картинки, будто созданные специально для украшения этих гитар.

Вообще сравнение и сопоставление товаров — привычный процесс даже в стране, где туалетную бумагу местного производства можно было купить не каждый день ввиду её отсутствия в ассортименте. Так что кто-то сравнивал мотоциклы «Jawa» и «Čezet» («CZ»), а кто-то романы Андрея Гуляшки о приключениях Аввакума Захова с произведениями Богомила Райнова о суперразведчике Эмиле Боеве. Была и не поддающаяся сравнению продукция, как то, например, польский и югославский кинематограф.

Для того, чтобы в твою жизнь вошли вещи из стран СЭВ нужно было быть потребителем. Впрочем, не только товаров, но и услуг. Если кто-то не имел возможности перемещаться по городу на трамвае завода «Tatra» или троллейбусе «Škoda 9Tr», то для того, чтобы не проехать на венгерском

автобусе «Ikarus» нужно было жить в совсем уж глухом месте и не покидать его никогда.

С достаточным на то основанием я могу судить о видении процессов социалистической интеграции на примере ограниченного пространственного локуса в пределах собственного весьма ограниченного опыта. За его пределами возможна лишь реконструкция по документальным и художественным источникам разного рода, расширяющим информационное поле и кругозор, но не обладающих столь неистребимым качеством как непосредственность переживаний.

Мир современного поколения сорокалетних не был маленьким герметичным мирком, замкнутым на Восточную Европу и прочие «страны социализма и народной демократии», но искусственно созданная геополитическая реальность превращала европейские страны соцблока в «ближний Запад», в специфических проводников западных ценностей. Особенности их трансляции удачно переданы в анекдоте про стриптиз по-французски, по-польски и по-русски/советски. Первый аутентичный стриптиз заключается в том, что девушка на сцене раздевается под музыку перед сидящими в зале за столиками с вином и коньяком мужчинами, стриптиз по-польски — это уже мужчины в пивной, которые смотрят по телевизору видеозапись, сделанную во французском заведении. А когда русские мужики собираются в курилке, и один из них рассказывает о том, что видел во время турпоездки в Польшу в одной из пивных — то это стриптиз по-русски...

Казалось бы, вполне доступная, разрешённая для посещения заграница была совсем рядом, и в то же время явственно представлялись преграды даже для краткосрочной туристической поездки. Степень доступности соцстран для советских людей была существенно ниже, чем для граждан центрально-европейской части восточного блока. И хотя поговорку «курица не птица, Болгария не заграница» знали многие, процедура получения загранпаспорта была тягостной. Например, в характеристике с места работы обязательно должна была быть фраза о моральной устойчивости кандидата для поездки за рубеж. Кроме этого, ту-

**ПРОЕКТ «СЭВ» (1949 - 1991):
EXPORT/IMPORT ТОВАРОВ & ИДЕЙ**

ристический вояж предварялся инструктажем в райкоме партии или комсомола, и напутственные слова «чтоб не вздумал жить там сдуру, как у нас» из песни Высоцкого спустя годы уже не воспринимаются как гипербола.

Я испытал на себе эти перипетии в 1987 году. Июльским вечером поезд «Москва – Прага» миновал Чоп. Трава в Словакии оказалась не менее и не более зелёной, чем на Украине. Утром мы были в Праге, где я впервые узнал полный вариант лозунга «С Советским Союзом на вечные времена и ни секундой дольше!». Через десять дней, заехав по пути в Брно и Готвальдов, мы оказались в Братиславе. Именно там, на скале с руинами крепости Девин, нам сказали, что в ясную погоду оттуда можно увидеть Вену. За широким мутным Дунаем, по которому едва передвигались вверх по течению грузовые суда, лежала Австрия. Потом я пил пиво в открытом кафе у подножия скалы в сотне метров от австрийской границы. На берегах неширокой Моравы скучали пограничники, и, едва не касаясь друг друга удочками, на противоположных берегах сидели два рыбака. Жара была одуряющая, и пахло сеном, а не пивом... И именно тогда я понял,

А. де Лазари

Как и большинство поляков, о потере социалистического мира я не сожалею. Социализм пришел в Польшу на советских танках и поляки восприняли его как новое закрепощение, о чем свидетельствовали очередные вспышки польского сопротивления существующему режиму — в 1956, 1968, 1970, 1976 и 1980 годах.

Я воспитывался в антисоветском доме русских эмигрантов и поэтому, будучи антисоветским русофилом, многие годы пробовал бороться с польским отождествлением русскости с советскостью. Эту борьбу я окончательно проиграл в прошлом году, когда большинство россиян стало крымнашистами, и смотреть российскую «советскую» телевизионную пропаганду стало невыносимо. Россияне, в отличие от поляков, решили не рассчитывать с коммунистическим прошлым.

что попал на «край света», на грань, перейти которую я вряд ли смогу, на предел, дальше которого путь мне заказан, в место, с которого можно лишь посмотреть на землю, куда никогда не ступит моя нога.

Как пишут в коротких рассказах, прошли годы. Страны восточного блока уже не вызывают у моих соотечественников прежний в чём-то принудительный интерес, они потеряли свою привлекательность как посредники в трансляции культурных кодов с Запада в СССР с помощью, создаваемых по западному образу и подобию духовных и материальных артефактов. За четверть века я смог побывать как в некогда недоступных странах «мира капитализма», так и во многих бывших государствах социалистического блока от Вьетнама до Кубы. И везде меня посещали мысли о том, что же эти страны значили для живших в разных регионах СССР в далёкие 1970-80-е годы. Очевидно, что значимость была различной, но они сохранили для меня и для какой-то части моего поколения своё обаяние. Собственно, это и стало причиной выбора данной темы журнала.

Нам этого не понять.

Шутят, что Польша была самым веселым и самым либеральным баракком в соцлагере. В 1968 году за участие в студенческих забастовках я попал в тюрьму, а потом в штрафной батальон. Понятно, что на работу в университет после этого не удалось мне сразу попасть, но в престижном лицее преподавать русский язык мне разрешили, а когда я там создал единственный в Польше балалаечный оркестр, я смог приходить на уроки с гитарой и учить русскому языку на песнях Окуджавы, Высоцкого, Матвеевой и даже Галича, выбросив в мусорный ящик учебник с текстами о Фросе трактористке.

В школе я зарабатывал 12 долларов в месяц. На эти деньги можно было лишь кое-как прожить, но на каникулы я ездил в Лондон к моему другу англичанину, который учился со мной на русской

ПРОЕКТ «СЭВ» (1949 - 1991): EXPORT/IMPORT ТОВАРОВ & ИДЕЙ

филологии в Варшавском университете и заодно обучал меня игре на балалайке. В Лондоне мы вместе выступали в русском ресторане Borshtch'n'Tears и «польскую месячную зарплату» я получал там за несколько часов игры. Потом моя жена ездила работать в Америку и сэкономила в день долларов 20. Понятно, что капитализм нравился нам гораздо больше, чем социализм.

У наших западных друзей паспорта были, конечно, дома или в кармане. Нас держали на поводке и каждый раз, собираясь на Запад, приходилось писать прошение, чтобы с поводка спустили и паспорта выдали. После возвращения следовало сразу паспорта вернуть в паспортное отделение милиции. Это злило и раздражало, тем более, что ездили мы на Запад нищими — официально можно было купить в банке на поездку 5 долларов. Другое дело — поездка в СССР. Туда мы не валюту везли, а всякое барахло — польские джинсы, рубашки, полотенца, ботинки, кофты, куртки, парики, зонтики, косметику... Горничные в гостиницах рады были полякам. А оттуда везли всякую технику и... золото. В СССР поляк не бедствовал и советским девушкам нравился — ручку поцеловал, пальто подал, дверь открыл и пропустил вперед. Быстро сообразил, что в СССР выгодно было быть джентльменом!

В. Г. Щукин

«Да здравствует социализм!» — закричал я, выйдя из приземистых дверей московского ОВИРа в Колпачном переулке. Милиционер, охранявший вход в это замечательное учреждение, только что сказал мне, что за выдачу заграничного паспорта для поездки в социалистическую страну по приглашению родственников или знакомых с меня возьмут всего 30 рублей госпошлины, но если мне зачем-нибудь понадобится поехать в гости к капиталистам, тогда уж с меня возьмут все 250, не говоря уже о стоимости визы. Тогда, в 1972 году, мне было ровно двадцать лет, но я уже побывал в

На работу в Лодзинский университет приняли меня спустя 4 года, когда власть взял Эдвард Герек и наступила у нас очередная «оттепель». Балалаечный оркестр я взял, конечно, с собой и он играет до сих пор (через 4 года будем праздновать 50-летие). Даже средний возраст участников не изменился — это по-прежнему школьники и студенты. Получается, что в Польше антисоветское и заодно антикоммунистическое русофильство все еще кое-где существует.

В середине восьмидесятых, когда я работал над докторской диссертацией, «сослали» меня на стажировку в Калинин, а мне нужен был Пушкинский дом в Питере. Денег на гостиницу у меня не было, и я остановился у питерских однофамильцев, очень дальних родственников. В Польше тогда было военное положение, и кто-то донес, что я работаю в Пушкинском доме без официального разрешения (раньше я официально провел там полгода, работая над кандидатской, и меня хорошо там знали). Службы отослали меня в Калинин (так как «во время военного положения в Польше поляку жить на частной квартире в СССР не положено»), а у питерских Делазари были неприятности. Больше в СССР я не ездил и очень обрадовался, когда его не стало...

Польше и знал, сколько времени и нервов нужно потратить, чтобы «оформиться» и очутиться по ту сторону Буга, в «дружественной» или, как говорили некоторые недобрые люди, «вассальной» стране. Я понимал, что каждого, кто захотел посетить — нет, не США и даже не Финляндию, а «братскую» Польшу или ГДР, да еще не в составе туристской группы, а по частному (!) приглашению, могли подозревать в том, что он поступает как-то не совсем как простой советский человек. Одним словом: «А я остаюсь с тобою, / Родная навеки страна! / Не нужен мне берег турецкий / И Африка мне не нуж-

PROJECT «СЭВ» (1949 - 1991):
EXPORT/IMPORT ТОВАРОВ & ИДЕЙ

на». Поэтому 30 рублей за красный паспорт да еще пятерка госпошлины за подачу заявления показали мне подлинной заботой партии и правительства о незыблемых правах человека.

Если же говорить серьезно, то ни о какой дружбе и речи быть не могло, особенно со стороны «братских» народов. Зато было другое — да, ничтожная, да, труднодоступная, но всё же реальная возможность увидеть своими глазами мир иной, далеко не советский. Конечно, глядя из Америки можно было воспринимать весь этот «второй мир» *en bloc*, как однородную серую массу, в которой что Монголия, что Югославия — всё равно. Но американцы и ныне путают Poland и Holland. Мы же все эти страны воспринимали как отдельно взятые и далеко не тождественные друг другу феномены, а самое главное — как социумы, принципиально отличающиеся от СССР: в минимальной степени Болгария, в максимальной Польша или Венгрия.

Но даже если никуда не ездить, то нельзя не заметить, что и в своей обыденной жизни простой советский человек то и дело наталкивался на элементы несоветской части «второго мира», которые незаметно пробивали если не брешь, то маленькие, но важные отверстия в той тяжелой броне, которой периодически покрывала себя и дореволюционная, и послереволюционная Россия, стремясь изолироваться от внешнего окружения. Хочешь купить костюм покрасивее — поневоле выбираешь венгерский или ГДР-овский, потому что советских нет. Куриные яйца оказываются польскими, сигареты болгарскими или кубинскими, электротовары — из ГДР. Без всякого кокетства заявляю: я с удовольствием носил болгарские «техасы», а когда в Польше, в валютном магазине «Пекао» (позднее «Пэвекс»), померил настоящие джинсы марки «Вранглер», то носить их не захотел, потому что мое рыхлое славянское тело куда лучше чувствовало себя в болгарских. А сколько раз я часами простаивал в «дамских» очередях в поисках осколков красивой жизни в «Ядране», «Балатоне» или «Власте», где как раз «давали» шампунь или мыло, пахнущее не едким натром, а парфюмерным благоуханием Елисейских полей. Я уже не говорю о пользе книжного магазина «Дружба», о котором

мой коллега написал отдельную статью: благодаря ему можно было не только прочесть Кафку и Хемингуэя (по знакомству из-под полы), но и попутно выучить несколько иностранных языков.

В самом деле, так называемые социалистические страны были для всех нас, простых советских людей, чем-то вроде «окна в Париж» из одноименного фильма. Окно это было едва приоткрытым, действительность по ту сторону окна в лучшем случае была пародией настоящего Запада. Однако оно обладало одним неоспоримым достоинством: оно было реальным. Конечно, чешское мыло «Люкс», производимое по западногерманской лицензии или даже весьма приличные фотоаппараты «Практика» производства ГДР не давали практически никакого представления не только о Западе, но и о самих «братских» странах. Их ценность заключалась в том, что они неизбежно втягивали советского человека в мир чуть высшей цивилизации, не слишком дурного вкуса, большего удобства и всей той эстетики быта, которая во все времена была в России дефицитным товаром. А если кому-нибудь и впрямь посчастливилось поехать за границу, но на восток от берлинской стены, то ему везло ненамного меньше, чем счастливицам, попадавшим в Париж или Нью-Йорк — при условии, однако, общения не только с попутчиками, желавшими лишь выпить и закупить, а с жителями запредельных стран, которые и говорили, и думали иначе, чем простые советские люди. Это была настоящая школа диалога, терпимости, открытости и умения находить выход из самых аксиологически и идеологически трудных ситуаций не в «светлой и счастливой казарме» (Ю. К. Олеша), а в реальном человеческом мире, с которым у нас было всё же больше точек соприкосновения и взаимопонимания, чем с миром «первым», но который имел гораздо больше общего со всем, что лежало на запад от берлинской стены. Недаром перед «загранпоездками» в райкомах задавали вопрос: «А как вы будете себя вести, если вам придется участвовать в политических спорах?»

Четверть века назад мы потеряли этот так нужный нам мир реального социализма. Мы потеряли его, потому что исторически сами были

ПРОЕКТ «СЭВ» (1949 - 1991): EXPORT/IMPORT ТОВАРОВ & ИДЕЙ

виноваты в том, что в «странах народной демократии» все только и мечтали, чтобы поскорее освободиться от нашей «дружбы». Однако инициатива разрыва не только псевдодружеских, но и вообще всех возможных связей, кроме меркантильно-коммерческих, принадлежит не нам, а политикам этих стран, которые стремились лишь к тому, чтобы «не знать и забыть» Россию и всё русское, как мечтал один латыш, что сидел в одном лагере с Андреем Синявским. Жаль — ведь от утраты «мира социализма» немало потеряли не только мы, но и жите-

ли стран по ту сторону Буга. Как заметил один из самых проникательных польских историков идей — Анджей Валицкий, сохранение политической и культурной общности бывших «социалистических» стран позволило бы Польше занять почетное место проводника подлинного европеизма в мире, которому незачем превращаться в задворки настоящего Запада, ибо десятилетия «братства» несли в себе не только фальшь и лицемерие, но и много хорошего. А о хорошем нужно знать, хорошего — не забывать.

И. Л. Савкина

Наверное, эти мои короткие заметки правильнее было бы поместить в раздел «Воспоминания», потому что они касаются вопроса о том, как личный опыт жизни в «межсоциалистическом» пространстве повлиял на конкретную судьбу и персональную идентичность и насколько последние можно рассматривать как результат проекта «экономической взаимопомощи».

Мой отец, Леонард Николаевич Холмогорский, был горным инженером и с 1962 по 1968 год работал в ГДР, в СГАО «Висмут» начальником производственно-технического отдела рудоуправления. Советско-германское общество «Висмут» занималось разведкой, добычей и переработкой урановой руды для атомной промышленности СССР. В свое время деятельность его была строго засекречена. Сейчас Интернет дает 145 тысяч ответов на запрос про это предприятие, а сообщество «Висмутяне» выпустило в течение 2012-2014 годов три книги, посвященные истории СГАО¹. Как сообщает Википедия, всего за время существования совместного предприятия с 1946 по 1990 год «было добыто 220 тысяч тонн руды. Предприятие в 1990 году занимало первое место в Европе и третье место в мире среди уранодобывающих предприятий»², так что, судя по всему, оно было

хорошим примером промышленной интеграции.

Но я сама «участвовала» в этой интеграции только в качестве ребенка, школьницы, которая из Советского Союза приехала с родителями в город Гера и прожила там пять с лишним лет в одном из двух, специально выделенных для советских специалистов домов, которые в обиходе назывались «объектом». В отличие от военного городка, куда мы ходили в школу, наш *объект* не был огорожен заборами и не охранялся солдатами на проходных — это были просто два дома на окраине города. В одном из них даже находился овощной магазин, где покупали продукты немцы — жители окрестных домов. Но, несмотря на видимую открытость, жизнь на объекте была довольно замкнутая и самодостаточная. Детям не рекомендовалось ходить «в город», контакты с местным населением не поощрялись. Когда моя старшая сестра познакомилась на почве общих музыкальных предпочтений с каким-то немецким мальчиком, папу тут же вызвали к «начальнику режима», и дома состоялся серьезный разговор на повышенных тонах. Изучение немецкого языка не приветствовалось. Попытки моего отца определить нас с сестрой в немецкую школу чуть не закончились выдворением нашей семьи из ГДР, а группа немецкого языка в 59-й школе ГСВГ, где я училась, была раз в пять

1 См. СГАО Висмут. Отцы и дети. <http://www.wismut.su/>

2 Советско-германское предприятие «Висмут». https://ru.wikipedia.org/wiki/Советско-германское_

предприятие_«Висмут»

PROJECT «СЭВ» (1949 - 1991):
EXPORT/IMPORT ТОВАРОВ & ИДЕЙ

меньше английской. Контакты с местными сверстниками ограничивались тем, что на поляну рядом с домом приходили какие-то рыжие немецкие ребята и мы с ними переругивались, в основном с помощью хорошо разученного обеими сторонами слова Schwein/свинья. Правда время от времени организовывались официальные встречи с немецкими пионерами и комсомольцами с обязательным совместным распеванием шлягера «Пусть всегда будет солнце» на двух языках.

Но мы в общем не страдали от замкнутости нашей *объектной* жизни, потому что была эта жизнь очень интенсивной и насыщенной. Действовало какое-то немислимое количество кружков: театральный, танцевальный, балетный, куча спортивных секций. Во дворе была волейбольная площадка, теннисный корт, бассейн, площадка для игры в городки, зимой заливался каток. Мы непрерывно участвовали (вместе со взрослыми) в каких-то спортивных соревнованиях, творческих конкурсах, праздниках. Например, апрель начинался «Днем пирога» — когда все, кто мог и хотел, пекли торты и пироги, жюри определяло лучшие изделия, а потом все это дружно и весело поедалось. Так как сообщество *объекта* было социально гомогенным и исключало присутствие маргиналов, мы не видели вокруг себя пьяных или ругающихся матом или плохо одетых и голодных людей. По воскресеньям устраивались поездки в музеи, театры или в лес, на рыбалку, на пикники. Благополучная, креативная и интересная жизнь *объекта* представлялась мне замечательным воплощением мира и социализма, а, может быть, даже коммунизма, и вернулась я в 1968 году в Советский Союз полной прекраснотушних идей, идеалов и мечтаний комсомолкой, что, конечно, привело ко многим и весьма травматическим разочарованиям при столкновениях с реальной советской действительностью. Однако, действительно счастливое детство, я думаю, создало какой-то «запас прочности» личности.

Как я теперь прекрасно понимаю, для наших отцов и матерей жизнь и работа в ГДР выглядели не в такой парадизной перспективе. Отец в своих воспоминаниях довольно много пишет, с одной

стороны, о «легкой и приятной» жизни, с другой, — о постоянном чувстве подконтрольности и регламентации. Кроме скандалов из-за немецкого языка причиной его серьезного конфликта с «первым отделом» был, например, вопрос об утренних пробежках. Будучи довольно полным человеком, отец решил стогнать вес, добираясь до работы бегом. Прибежав, принимал душ, переодевался и приступал к своим обязанностям. Его вызвали к начальству, «проработали» за поведение, недостойное коммуниста и советского специалиста, и в приказном порядке велели прекратить несанкционированные физкультурные занятия.

Несмотря на то, что каждому советскому специалисту полагался персональный переводчик, отец самостоятельно выучил немецкий язык, довольно активно общался со своими немецкими коллегами и приобрел среди них немало друзей, которые посылали ему посылки с продуктами в начале «лихих» 90-х. Именно эти хорошие персональные контакты с немецкими коллегами отец подчеркивает в своих воспоминаниях, вероятно, потому, что будучи участником войны, тяжело раненным на Зееловских высотах, он приехал в ГДР с немалой «предубежденностью» по отношению к немцам. Но я помню, что он много раз с удивлением отмечал, как быстро она исчезла. Возможно, это самый главный результат сотрудничества.

Я сама, как ясно из вышенаписанного, не научилась, к сожалению, за пять лет свободно говорить по-немецки, не приобрела немецких друзей детства, но все же Германия не осталась для меня только чужой страной. В детстве человек впитывает, присваивает окружающий мир не только сознательно, но бессознательно, телесно. Германия — часть моей телесной памяти: ее запахи, краски, пейзажи, ритмы — это все «в меня запало», стало какой-то частью меня. Это я хорошо чувствую, когда приезжаю в Германию. Мне кажется, что этот опыт очень важен и влияет на восприятие мира: тебе легче понимать чужое не как враждебное, а как другое, которое может стать твоим. Этот бесценный в современном мире номадический опыт в моем случае подарен потерянному миром (социализма).